

ческий деятель Речи Посполитой Г. Коллонтай отметил, что Статут 1588 «можно считать самой совершенной книгой законов во всей Европе». Важнейшие идеи и принципы Статута были преемственно восприняты Конституцией Речи Посполитой 1791 г. Он оказал значительное влияние на развитие права России (служил образцом при подготовке Соборного вложения 1649), Польши, Украины, Латвии, Эстонии. О юридической значимости Статута свидетельствует то, что он был действующим законом почти до половины XIX века. После присоединения к России произошла переориентация Беларуси на восточный путь развития, а в 30-х годах XIX века начинается активный процесс русификации так называемого Северо-Западного края. В связи с этим действие Статута 1588 отменяется: в Витебской и Могилевской губерниях – в 1832 году, в Минской, Гродненской и Виленской – в 1840. [1, с. 167]

Статут 1588 г. является по своей сути настоящей Конституцией государства. Многие его положения, особенно те, которые регламентировали суверенитет государства, структуру и деятельность новых органов власти (сейма, уездных сеймиков), новых судебных органов, права свободных людей, охрану окружающей среды, во многом опередили свое время. Именно поэтому Статут 1588 служил образцом кодификации законодательства в других странах и долгое время был действующим законом.

Список использованных источников

1. *Довнар, Т. И.* Памятники права Беларуси феодального периода / Т. И. Довнар. – Минск: ИСЗ, 2001. – 312 с.
2. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. – Минск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
3. *Пыско, Е. И.* Статут 1588 – основной источник конституционного права Беларуси XVI–XVIII веков / Е. И. Пыско // Актуальные проблемы развития права на современном этапе. Материалы круглого стола. Минск, 3.04.2007 г.: сб. науч. ст. / МИТСО; под ред. А. В. Русаковича. – Минск: МИТСО, 2007. – С. 61–66.
4. *Юхо, И. А.* Краткий очерк истории государства и права Беларуси / И. А. Юхо. – Минск: РИВШ БГУ, 2000. – 352 с.

Романова С. П.

кандидат социологических наук, доцент, Белорусский
государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СТРАТИФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

В истории философии, литературы, религиозной мысли, искусстве много сотен лет назад прочно закрепились идеи, связанные с непреодо-

лимой мечтой человечества об установлении справедливого, равного, процветающего общества на Земле. Века проходят, а мечты так и остаются мечтами, воплощенными лишь в виде художественных замыслов общественного устройства, когда-то названного английским философом эпохи Просвещения Томасом Мором загадочным словом «Утопия».

Современный человек вряд ли станет спорить о том, существует в обществе социальное неравенство или нет. Ответ очевиден: «Да». Профессиональные исследователи уже давно обозначили расслоение в обществе на социально неравные совокупности людей различными терминами (например, «социальная иерархия» (Платон), «классовая структура» (К. Маркс), «социальная стратификация» (П. Сорокин)) и предложили критерии, которые четко описывают модели этого расслоения. Наиболее распространенными критериями, лежащими в основе замеров социального неравенства в современной социологии, выступают доход, власть, престиж профессии и образование.

Гораздо менее разработанными (что отнюдь не говорит об их меньшей значимости) являются показатели, определяющие социальное неравенство людей, которые связаны с характеристиками культуры социальных субъектов (индивидов, социальных групп, общностей). Многие отечественные и зарубежные исследователи неоднократно описывали тесную взаимосвязь, существующую между социальным положением человека и его культурой, будь то манера говорить, одеваться, проводить досуг или что-то еще. И действительно, такая связь существует, другое дело, что замерять ее крайне сложно по причине неопределенности оснований, которые могли бы лечь в основу выстраивания социальной иерархии. Каким образом возможно ранжирование свойств, которые, во-первых, практически не поддаются количественным замерам; во-вторых, отличаются широким разнообразием и, в-третьих, подвержены постоянным изменениям? Однозначных ответов на эти вопросы нет. В плане научного поиска можно пойти по следующему пути: выстраивать иерархии по разработанным критериям (например, доход, образование, обладание властью, представленность в управленческой вертикали и др.), а затем изучать, каким же образом те или иные характеристики культуры (типы, виды, формы и т.д.) представлены в каждом из полученных слоев.

Само понятие стратификации в связи с культурой следует понимать как различие форм культуры в зависимости от занимаемого статуса. Именно социальный статус задает направленность культурных интересов личности, стиль ее досуга, общения, этикета, информационных устремлений, эстетических вкусов, моды, имиджа, бытовых обрядов и ритуалов, предрассудков, образов престижности, представлений о собственном достоинстве, общемировоззренческих установок и т.д. [1].

Одной из форм культурной стратификации выступает межэтническая стратификация, которая обладает всеми описанными свойствами. Каким

бы демократичным общество не было, появление в нем субкультурных вкраплений иных этнокультур приводит в действие процессы, так или иначе связанные с тем, что одни этносы получают более высокое, более престижное положение, а другие наделяются различными социальными ярлыками или даже тем, что называют «социальным клеймом». В результате этносы в обществе приобретают определенные статусные наборы характеристик, формирующие их место в системе социальной иерархии. В числе базовых характеристик выделяются социально-экономические, социокультурные, социально-политические, демографические, экологические, правовые, социально-психологические статусные позиции этноса [1, с. 113]. Социологи вам скажут, что существуют и другие основания социально-этнического неравенства. Упомянуты будут ценностные ориентации, понимание национальной принадлежности (этноидентификация), образ жизни, политическая культура и поведение, национальная идентичность, менталитет, статус на рынке труда и многое другое.

Предлагаем далее перейти от теоретического рассмотрения этнокультурной стратификации к непосредственному описанию данного явления, несомненно существующего в своеобразной форме в современной Республике Беларусь.

Из совокупности описанных выше наборов характеристик этноса, которые доказывают наличие социального неравенства между нациями, для Беларуси наиболее интересными нам представляются следующие: этноцентризм, религиозность, языковая этноидентификация.

Прежде всего, можно говорить об этноразделяющих процессах в форме обыденного бытового национализма, а точнее этноцентризма, т.е. оценке своих обычаев, языка, ценностей и других характеристик этноса как наиболее правильных, справедливых, заслуживающих большего уважения по сравнению с «нетитульными» нациями, проживающими на определенной территории. Как бы часто ни говорили о терпимости, «памяркоўнасці» белорусов, такая характеристика действительно присутствует в структуре менталитета современных граждан республики. Более половины белорусского населения испытывают недоверие, опасения, недоброжелательное отношение, например, к так называемым «ненадежным» нациям, как чеченцы, цыгане, таджики, азербайджанцы (и другие кавказские национальности), евреи и др. При чем чаще всего такая неприязнь связана не с личным опытом людей, а с упрощенным и нерациональным следованием за социальными стереотипами массового сознания, сформированными благодаря СМИ или в результате действия «народной молвы». А такие характеристики, «прилипающие» к тому или иному этносу, так просто не исчезают, они могут долго циркулировать в обществе, видоизменяться тем или иным образом, влияя на то, какой же статус смогут получить в социуме представители данных этнических свойств.

Тем более интересно изучать процессы формирования социального неравенства, поскольку здесь можно обнаружить и ряд особенностей. Например, титульная нация в Республике Беларусь – белорусы, которых большинство (более 80 %) и которые могли бы при такой численности с легкостью диктовать свои условия в определении этнонациональной политики государства, сделать ее этноцентристской. Но этого не произошло. Более того, народ голосует за двуязычие, предпочитает говорить по-русски и устойчиво демонстрирует готовность к интеграции с соседними славянскими государствами.

Наряду с фактами стереотипизации общих характеристик ряда этносов в Беларуси существенную роль играет и этноконфессиональная дифференциация населения. Территория республики уже много веков находится в зоне влияния христианства, причем это влияние имеет уникальное проявление: ситуация «стыка» православия и католицизма при одновременной этнонациональной дифференциации верующих. Сегодня мы наблюдаем восстановление в обществе роли, значимости такого социального института, как институт религии. Все больше людей определяют себя как верующих, таких сегодня уже более половины. При этом большинство верующих идентифицирует свои убеждения с православием. Сильно отстают от них по общей численности католики, протестанты, мусульмане, иудеи и представители других конфессий. Когда же предпринимаются исследователями попытки «проверить» религиозность населения, оказывается, что те, кого больше, т.е. православные, оказываются самыми «слабоверующими». Их правильнее будет назвать псевдоверующими, у которых религиозная идентификация носит поверхностный характер и не закреплена в сознании и поведении устойчивым образом. Те же, кого меньше (а именно католики, мусульмане, протестанты и др.), в лучшей степени сохраняют и воспроизводят религиозные знания, обычаи, практики. Вот и выходит, что государством поддерживаемое, более высокостатусное в связи с этим этнорелигиозное большинство обладает менее развитыми и не очень устойчивыми характеристиками.

Кроме того, стоит отметить, что этнонациональная идентификация В Беларуси имеет большую взаимосвязь с конфессиональной дифференциацией, чем с языковой. Так, русские и белорусы гораздо чаще являются православными, поляки – католиками, татары – мусульманами и т.д. При этом все они, независимо от национальности, в большинстве своем говорят на русском, а не на белорусском языке, и уж тем более не на польском, татарском и других языках. Выбор населения Беларуси в данном случае неслучаен, а обусловлен тем, как на протяжении длительного исторического периода государственным уровне были расставлены статусные языковые приоритеты, т.е. обозначены параметры системы социальной стратификации.

Таких парадоксов и несогласованности социальных характеристик можно обнаружить огромное множество в любом обществе. Республика Беларусь не является чем-то особенным в этом смысле. С одной стороны, сегодня в период нарастания процессов глобализации мы видим явные процессы этнонациональной ассимиляции. С другой стороны, лежащая на поверхности видимость стирания этнических границ во всех сферах жизнедеятельности человеческого общества пока так и не привела к тому, чтобы исчезли разделительные линии между этническими группами, которые действуют как источники формирования социального неравенства в обществе. По-прежнему в Беларуси сохраняется внутренняя дифференциация между русскими, белорусами и поляками, проявляющаяся, прежде всего, как на уровне самосознания, самоидентификации отдельных индивидов, так и в рамках массового сознания всего населения государства. И все описанные выше явления и процессы пока сохраняют для нас основания для того, чтобы говорить о такой сложной, многоаспектной, противоречивой и крайне устойчивой характеристике белорусского общества, как этнонациональная стратификация.

Список использованных источников

1. *Бабосов, Е. М.* Социально-стратификационная панорама современной Беларуси / Е. М. Бабосов. – Минск: ООО «ФУАинформ», 2002. – 360 с.

Садыкова Л. Р.

кандидат исторических наук, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Российская Федерация

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ И РАЗВИТИЕ ДВУЯЗЫЧИЯ У ТАТАР В США

Всегда были актуальны вопросы, связанные с межэтническими взаимодействиями и этническими процессами. В условиях глобализации равенство народов как в международном масштабе, так и в рамках многонациональных государств открывает путь к развитию каждого народа и их сближению. Прибывающие в США иммигранты различной этнической принадлежности перенимают нормы и ценности новой для себя культуры. Этническая история США свидетельствует о значительной стойкости этнических традиций и в то же время об их преобразовании в меняющихся социально-экономических условиях. Одна из особенностей этнической истории страны – существенное место в ней иммиграции [1]. Существование этноса зависит от осознания своего группового единства и отличия от других, устойчивости этнического самосознания, силы этнического притяжения. Смена этнического самосознания означает смену этнической принадлежности, прекращение существования данного этноса, растворение его в другой этнической общности.